

Какулия Юрий

«СОВЕТСКАЯ АБХАЗИЯ» Суббота, 17 октября 1981 г.

Советская Абхазия
г. Сухуми

СУХУМСКИЙ грузинский театр переживает пору возрождения, подьема. Многие в нем меняются, многое появляется вновь, характер его творчества решительно обновляется. Два года назад в театр пришел новый главный режиссер Юрий Какулия. Творчество его — весьма своеобразное, поистине новаторское. С такими людьми интересно жить, такие люди, как говорится, перетряхивают наше сознание, тревожат его, ставя перед нами честно и нелицеприятно главные вопросы о смысле жизни, о сущности человека.

Первый же увиденный мною спектакль Ю. Какулия — «Роль для начинающей актрисы» ошеломил, изумил. Уже сам выбор пьесы Т. Чилладзе — современной трагедии любви — свидетельствовал о том, что ее постановщик собирается говорить со зрителем серьезно и резко. Правда, в пьесе много простых, бытовых эпизодов. Но режиссер очистил ее от налета сентиментальности и легкой улыбки. И в том, как Ю. Какулия «обработал», переиначил, перетряс пьесу, я ощутил силу его творческой, оригинальной природы. Этот спектакль — вызов бездуховности, удар по уютно устроившемуся обывателю, преспокойно живущему без сердца и любви. В этой сложной по замыслу и воплощению работе ясно видны ведущие черты режиссерского творчества Ю. Какулия. Прежде всего — это острота восприятия действительности и человека в социальном пространстве, острота на грани трагического мировосприятия, свойственного творчеству классиков грузинской поэзии Д. Гурамишвили, Н. Бараташвили, В. Пшавела. Вообще истоки художественного мировоззрения Ю. Какулия нужно искать в высоком грузинском классическом искусстве и литературе. Главное, что унаследовал режиссер из традиций древнегрузинского театра, — его социальную гордость и непримиримость, его серьезность и глубину, откровенность и искренность, гума-

нистичность и демократизм. Сценическое оформление спектакля (художник Т. Гейне) — это образ мира, как он запечатлелся в сознании Ано, покончившей жизнь самоубийством: веревка, спускающаяся с неба в серомутный мир кулис, где люди — с пустыми лицами — устало и уныло ждут трагического конца. Человек (Ано) и мир — вот ипостаси исследования спектакля. Собственно, канат, веревка становится главным «действующим лицом», тем психологическим стержнем, во-

вня. Интересно, что режиссер строит мизансцены Нато возле того же каната, где погибает Ано. И Нато, оставшись жить, стала похожа на каменное изваяние.

Нато — Л. Папуашвили, пожалуй, самый сильный, самый глубокий образ спектакля, причем здесь режиссер особенно щедр в нахождении изобразительных средств для выявления ее трагедии. Состояние этой женщины раскрывается при помощи масок. Нато доведена до отчаяния, она не может рассказать о своей

вода романа, создав вокруг этих эпизодов «атмосферу» духа молодого гвардейцев. Спектакль идет всего час.

Пытаться искать характеры известных героев в этом спектакле вряд ли целесообразно. Это — спектакль-легенда, спектакль-памятник, где на мгновение оживает душа молодого гвардейцев.

Патетически, монументально и предельно условно заявляет о себе «Баллада» в трактовке художника Ш. Худишвили. Собственно, сцены нет, весь ее планшет, будто вся земля,

Яркий, взвихренный, развешающийся, одержимый, озорной и непримиримый облик явила нам Любовь Шевцова в исполнении Л. Папуашвили. Эта актриса — одна из самых «типичных», верных в театре Ю. Какулия, работающая очень много, азартно, цепко, владеющая даром внутреннего перевоплощения, замечательным пластическим даром.

Взволнованно, патетично и скорбно звучит в спектакле музыка реквиема Д. Бегалишвили, исполненного детским хором. Весь спектакль про-

можно для человека полного счастья. В исполнении Л. Шония Оления так духовно изнурен, безысходно печален и одинок, будто он и есть носитель мировой скорби человечества.

С молодым актером Ладом Шония Ю. Какулия связывает свои будущие работы над мировым репертуаром трагедии. Так, Лад Шония должен будет играть Гамлета. Шония — актер интересный, однако, окраска его темперамента носит характер боли, надломленности.

Горестное ощущение жизни стало ведущим в настроении спектакля «На Кавказе». Этому настроению поддалась все исполнители. И совершенно неожиданно главным героем спектакля стал казак Лука в очень тонком, нервическом и лирически одухотворенном исполнении молодого актера В. Аргвлиани. Это произошло в силу того, что именно он, Лука, ищет счастье, раскрываясь на пути поиска очень различно, многокрасочно.

Мне довелось видеть этого тонкого актера в других спектаклях, но я вполне разделяю надежды Ю. Какулия, что В. Аргвлиани будет очень хорошим Гамлетом, и, может быть, именно он, Аргвлиани, а не Л. Шония должен сыграть датского принца. Это принципиально, это вопрос вопросов — каким же будет театр Ю. Какулия — театр, воспеваящий человека, или театр, скорбящий по человеку.

Театр — творчество коллективное и может рассчитывать на успех только тогда, когда все люди, участвующие в создании спектакля, и зрители, приходящие на него, — соратники, единомышленники режиссера. И от того, сколько и насколько преданных единомышленников окажется у Сухумского грузинского театра, театра серьезного, значительного по содержанию, сложного по форме, — зависит успех этого творческого коллектива.

В. ВОРОБЬЕВ,
театральный критик,
г. Москва

ТЕАТР СЛОЖНЫЙ И МНОГОЛИКИЙ

Заметки
о творчестве
режиссера
Ю. Какулия

круг которого разворачивается весь спектакль. Ано в исполнении артистки Э. Двалишвили — это летящий, все сжигающий факел любви. Ано-Двалишвили стремительна, бескомпромиссна, одержима.

В спектакле нет характеров людей, поскольку режиссер и не ставил перед собой задачи их создания, но есть образы чувств, образы типов человеческой жизни. Ано — это образ трагической, неразделенной любви. Образ человека, живущего стереотипно: работа, жена, любовница — это кинорежиссер Уча, который нарисован артистом С. Пачкория нарочито скомканными, сломанными, незаконченными пластическими движениями.

Нато, супруга, Учи, в очень точном по драматизму, по ощущению судьбы исполнении артистки Л. Папуашвили — это образ вечной трагедии ожидания люб-

тяжелой судьбе, она может только кричать от боли и злости. Маски, которыми Нато разговаривает с Ано, рассказывают о страшной боли женского сердца, эти маски кричат.

Однако есть в спектакле и другая, главная сторона трагической медали: человек прекрасен в борьбе за свою душу, за свое чувство. Спектакль будто поет величественный, торжественный хорал о высокой, преображающей силе любви.

В «Роли для начинающей актрисы» — самом сильном, на наш взгляд, страстном и горьком, из спектаклей Сухумского грузинского театра, мы увидели театр Какулия — театр острой трагической мысли, театр разнообразия пластических форм, театр, унаследовавший лучшие эстетические черты и вольнолюбивый дух Вахтангова, Мейерхольда, Марджанова.

В спектакле «Баллада о молодого гвардейцах» мы не увидим известного романа А. Фадеева. В основу собственной инсценировки Ю. Какулия положил два, максимум — три известнейших эпи-

поглощен огромным то ли курганом, то ли шлаковым отвалом: Но главное — это огромная гора-памятник, надмогильный холм, каких немало в украинской степи.

Весь спектакль, все его основные пластические построения выполняются актера, ибо быть выразительным, работая на наклонной плоскости, чрезвычайно сложно. Но эта техническая задача, предельно мобилизуя актера, создает вместе с тем очень верное внутреннее ощущение сложности «подпольного» существования.

Интересно, убедительно выведены ведущие черты характеров молодого гвардейцев. Актеры играют здесь сцену условно, обобщенно, крупно выявляя тенденции образа.

Очень хороша Ульяна Громова в исполнении Н. Ина с аридзе. Строгость, выразительность, строгость и нежность ее пластики говорят о значительном и скрытом от посторонних глаз внутреннем мире героини.

низан светом жизни, красоты молодости, монументальным величием и динамикой.

Ю. Какулия любит делать инсценировки сам. Эти инсценировки — режиссерские разработки прозаических произведений — детище режиссера Ю. Какулия, годные только для его театра. Надо сказать, что Ю. Какулия ищет драматургию трагического содержания, по преимуществу его тема — это человек и общество.

Спектакли Ю. Какулия чрезвычайно сложны и многолики. Усложненность взгляда режиссера на мир порою становится непреодолимой для него самого и остается в спектакле как бы в виде вопроса о том, что же оно такое — жизнь. Так, думается мне, произошло в случае обращения Ю. Какулия к повести Л. Толстого «Казак». Ни в коем случае не хочу сказать, что спектакль неинтересный, он интересен, и прежде всего сложностью вопросов, в нем поставленных. Главное — добиться от зрителя активной работы мысли — в нем достигнуто.

Ю. Какулия увлекла мысль Толстого о невоз-